

● ● ●
Зима такая мягкая была,
Что снились вербам белые серёжки.
Крошился снег, как будто понарошку,
И стужа не нашла себе угла—

Задумчивою странницей ушла.
Клевали птицы мёрзлую калину,
Мне жизнь впервые не казалась длинной—
Её пределы смертность обожгла.

С прощеньем снова распахнулась жизнь,
И стало всё так радостно и просто,
Душе хотелось скорости и роста,
Меня остерегли: угомонись...

Живу, как будто прежде не жила,
И плачу о себе, пока живая,
Лишь благодарно кислород вдыхаю
За то, что грех не сжёт меня дотла.

● ● ●
На Страстной всегда темнее ночи,
Как себя от них ни обособь,
Каждый раз настойчивей и громче
Сквозь века протянутая скорбь.

После непрерывного смятенья—
Первый робкий и неровный шаг:
Это жажду преображенья
Ожила и вздрогнула душа.

Контур жизни проступил слезами
На лице окаменелых дней,
И распятие перед глазами—
Жертвенность, открывшаяся мне.

● ● ●
М. А.

Для сердца нужно так немного:
Не видеть в людях мелочей,
Просить прощения у Бога,
Звенеть и плакать, как ручей.
Звезду увидеть в мелкой луже,
Сиянье в музыку вдохнуть,
А после напряжённо слушать
Обветренную тишину.

● ● ●
Облокотись на эти облака,
Ещё не опечатанные тьмою,
Пока судьба как пёрышко легка,
Облокотись на эти облака.

Прислушайся, как флейты зазвучат
Сквозь суматоху раннею весною,
Встречая чей-то потемневший взгляд,
Прислушайся, как флейты зазвучат
Ни с кем не разделённою мечтою.

Пока он не погас и не исчез,
Пока поверить в высоту боится,
Отдай ему нетронутость чудес,
Которой своевременность стыдится.

● ● ●
Оставь мне этот свет как проводник
Пока ещё слепого вдохновенья.
Я ничего не знаю о твореньи,
Преобрази мой немощный язык.

Превозмогая невесомость слов,
Превозмогая собственную малость,
Излом тысячелетий и веков,
Превозмогаю смертную усталость.

Пока мой дух к паденью не привык,
Дай силы, Боже, осознать паденье,
Дай скорби тишь, а слепоте—прозреньи,
Оставь мне этот свет как проводник.

● ● ●
Земным земное уготовано—
Ждать птичьих песен и весны,
Сердца их к дольному прикованы—
Живут, не зная тишины.

Но иногда тоска излучиной
Заставит обмельеть, застыть,
И не хватает слов заученных,
Чтобы причину объяснить.

Так хочется тепла небесного,
Что тесен им земной приют.
Преображения чудесного
Они, как дети праздник, ждут.

● ● ●
Ветер гонит стадо туч сердито,
Будто взял у жизни напрокат,
Хмурится погонщик деловитый,
Как коров, их лупит по бокам.
Гонит, гонит с беспощадным свистом,
В ярости не отдыхает кнут,
А они, угрюмо-неказисты,
Серой цепью по небу бегут.
Я навстречу вышла б из окошка,
Преграждая ветряную стылъ,
И брала бы каждую в ладошку,
Бережно сдувая с каждой пыль.
Молчаливо-пристально сначала
В каждой тучке разглядела б жизнь,
Лёгким светом их полировала,
Чтобы им обрадовалась высь!
Осыпала б нежно жемчугами,
Молоком поила б добела
И лучами, словно колосками,
Краешки узорно убрала.
Омывала б радужной лазурью,
Чтоб простигилась повседневность ран,
Чтобы жили, грубостью не хмурясь,
А в улыбках расцветал шафран.
Чтоб они под чуткими руками
Изживали, забывали скорбь,
Становились снова облаками,
Убегая радостно враздробь.

● ● ●
Когда из бытия уходит тайна,
Непоправимо старится душа.
Мир кажется холодным и печальным,
И тяжелей становится дышать.
Дни истекают медленно, с укором,
Уходит жизнь, не дав себя понять,
Бессмысленным и мёртвым разговором,
И остаётся только Чуда ждать.
Но в этот миг из холода земного,
Из прежних заблуждений и утрат
Животворящее родится Слово,
И встретится родной и тёплый взгляд!

● ● ●
Когда человеку больно,
Глаза отводить не надо,
Даже если ушком игольным
Та беда покажется рядом
С тем, что ты пережил когда-то.
Может быть, перед Божьим оком
Эта скорбь стала самой глубокой,
А слезинка такую горькой—
Осолились ей все утраты.

● ● ●
Всё цельное рождается в тишине,
Глазёрства и цинизма опасаясь.
Карета Золушки в осенней спит траве,
Для любопытных тыквой притворяясь.
А в бельевой верёвке спит струна,
Сквозь хлопоты дневные не слышна,
Она поёт дождю, двум жёлтым клёнам,
С которыми так крепко сплетена,
Чтоб стать с утра качелькой для вороны,
Опорою для мокрого белья,
Растянутой, толстой и знакомой,
Растратиться под взглядами боясь.

● ● ●
Как странно петь о том, что в сердце тихо,
Как без листвы остался березняк,
О том, что на безвыходе есть выход,
О том, что дух для оправданья наг,
О том, что ветер сухостой полощет,
Чтоб всё слилось в один поющий звук,
Я становлюсь трезвей, обычной, проще:
К зиме не тянет с птицами на юг.

● ● ●
В природе честно всё: и первый снег
Родился с декабрём одновременно,
Шипит сырое на углях полено,
И радуется хлопьям человек.

Вчера ещё—оборванные струны,
И слякотно и грустно на душе,
А нынче суть открылась всех вещей,
День озарился этим снегом юным.

Вчера ещё—сомненье, теснота,
А нынче—храм, молитвою согретый.
Душе дано во тьме прозреть победы
И разрешить от немоты уста...

● ● ●
Пью крепкий чай, смотрю на крыши,
В окне холодный белый март.
День солнцем и метелью вышит—
Невольню радуется взгляд.
Невольню радуются души,
Что день к преображенью дан,
Придёт весна, тепло обрушит
И стаи птиц из дальних стран.
И будет всё, как было прежде,
Но только глубже и светлей,
Ворвётся в окна воздух свежий,
И станет легче поступь дней!

Из заморских лесов прибежали ко мне котофеи,
Всех мастей и характеров, чтобы на печке пожить,
Прибалтийскую сырость схватив, понемногу болеют,
Полотняный туман превратился в дождливую нить.
Стерегут мой очаг и роняют отчаянно грабли,
Убегают под стол, за дрова, поджимая хвосты,
О бетонный помост разбиваются вдребезги капли,
Печь гудит, и мурлыкают кошки мотивом простым.
Печь гудит, и в ковчеге моём все находят защиту,
Бесприютность и сырость подкидышам не по плечу.
В поддувале печётся картошка, жизнь чуду открыта,
Тишины и гармонии в днях проходимых хочу.

Когда прощаешь, прошлого не жалко,
В другое сердце открываешь дверь.
Так в глухоте возможно брешь проплакать,
Чтобы услышать на земле капель.

Изобильное ночью

По мостику я осторожно шла,
Душа моя ждала успокоенья,
Окутывала мир ночная мгла.
Всё скрылось в ней... Лишь храма отраженье
На тёмных водах озера светилось.
Покой деревья сонные вдыхали,
И я, взглянув на храм, остановилась.
Стояла молча, затаив дыханье,
Боясь вспугнуть такую тишину.
За облаками звёзды мирно спали,
Пришли слова, рассеяв скорбь, как дым:
«Мир освятился Именем Твоим,
И отошли вчерашние печали».

На тропинке резвятся котята,
У забора созрел виноград,
И сентябрь стоит виноватый
В том, что листья желтеть не хотят.
Всё по-летнему дышится травам,
От земли ещё веет теплом,
И по-своему ласточки правы—
Покидать им не хочется дом.
Небосвод стал прозрачней и чище,
По утрам даже ярче, синей,
Щебет птиц льётся с солнечной крыши,
С ним как будто пространство щедрей!
Солнце в озере ярко играет,
Не торопится лето ветшать.
Пусть картина привычно-простая—
Очарована ею душа!

Рос, совершался день седьмой,
Как будто умерли заботы,
Сроднилось сердце с простотой—
Не билось до седьмого пота.
Пред этой тайной бытия
Ни удивленья, ни загадок—
Так крепко сшита жизнь моя,
Что перекраивать не надо.
И если жизни всех родных
Перекроить—не станет легче,
Ведь из намерений благих
Вернее душу покалечить.
Читать в их судьбах не дано,
Осталось лишь смотреть ребёнком,
Как ветки просятся в окно
И лает пёс на воронёнка.

Только петь, пока поётся,
На рассвете, на закате,
Стих, как цвет с черешни, льётся,
Не боясь себя растратить.
Радужным пасхальным солнцем,
Рассыпающимся ярко,
Петь, как ветренка смеётся,
Как поёт по тесту скалка,
Как с молитвою творится
Хлеб насущный и желанный,
Как заботою сестрицы
Он становится румяным.
Петь об этой жизни вешней,
Петь с ликующей природой!
В повечерье слышен нежный
Запах ладана и мёда.

Только неба кусочек
В крестовине окна.
Нерасслышанных строчек
Звуковая стена.
Переплётом мотивов
До смыканья имён.
Глубиной прозорливых,
Тех, что не побеждён.
Единичность творенья
До касанья руки,
И души пробужденье
Оттого, что близки
Красота и смиренность
Этих щедрых небес,
Тёмных веток скрещенье
И оттаявший лес.